

Любовь гардемарина

Большой театр. - 1993. - январь. - с. 8. - (15).

“Я большой скептик, а потому дела в России мне представляются весьма дрянными. У нас нет согласия, единства, все вразброд идет, поэтому нет успеха. (...) Не верится мне в сколько-нибудь скорый исход и думается, что канитель еще долго протянется. Пусть лучше длинное crescendo приведет к хорошему ff, а не так, как часто бывает у Вагнера: нарастает, нарастает, да и скиснет...”, - пишет в 1906 году Николай Андреевич Римский-Корсаков, готовый отложить в сторону нотную бумагу и перья, бросить сочинять, и ... тут же берется за оперу-сатиру, оперу-фарс, на сюжет пушкинского “Золотого петушка”.

Так было, и было не раз: опускались руки, темнело в глазах, хотелось замолчать и смириться с общепринятой судьбой. Но музыка, жившая внутри по своим безотчетным законам, побуждала одолевать и скепсис, и смятение, презирать личные невзгоды и человеческие измены. При внешнем благополучии и неоспоримом музыкантском авторитете жизнь одного из крупнейших русских композиторов не была ни простой, ни безмятежной. Дивная цветопись музыкальных гармоний, акварельные колориты оперного письма, в которых характер его казался легким и солнечным, рождались больше из мечтаний, фантазий художника, чем из жизни, петлявшей в лабиринтах.

Для одних - “фаворитное чадо”, для других - “корсинька”, для третьих - “Римлянин”, он вошел в мир творчества и в мир музыки скитальцем-гардемаринком. В год открытия первой в России консерватории, он пустился в трехлетнее плавание на клипере “Алмаз”. Там, между вахтами, продолжал писать симфонию, там, на чужих берегах мечтал и думал о России и впервые сознавал свою странную к ней любовь.

Любовь гардемарина - будущего профессора Петербургской консерватории, автора всемирно известных симфонических сочинений и опер слагалась самой природой отчего края, от которого уводило море и к которому возвращала мечта. Там, в небесной выси, сходились пред ним краски и звуки будущих оперных картин - Ильмень-озера “Садко”, Ярилиной долины “Снегурочки”, Леденца “Сказки о Царе Салтане”, сечи при Керженце “Сказания о невидимом граде Китеже”, праздника Купалы “Майской ночи”, Александровской слободы “Царской невесты”. Там, в мечтаниях и фантазиях зрело свое понимание мира. Житейская враждебность касалась незамутненной драмами Вечности.

С этими ощущениями вошел Римский-Корсаков в музыку, в оперный театр. Эти ощущения, отлитые в звуках, напоил своей Любовью - к России, к ее природе, к ее людям, к ее истории и к ее будущности.

Не от этой ли счастливо разделенной любви родилась несколько лет назад мечта превратить Большой театр России в Дом Римского-Корсакова? Не серией ли удачных премьер на сцене, некогда Корсакова отвергавшей, эта любовь стала обнародована и утверждена?

“Царская невеста”, “Золотой петушок”, “Млада”, “Ночь перед Рождеством” - спектакли, соединившие усилия больших художников и артистов, сегодня наиболее ясно выражают творческий облик Большого. Как театра истинно российского, подлинно народного. Как театра, зовущего к гармонии и свету, к согласию и единству.

Сергей Коробков